

— Хватит. Я не хочу разговаривать с кем-то, кто настаивает на том, чтобы оставаться злым».

«Как смешно! Этот мой гнев - не более чем крошечная искра. Это матч, которому суждено угаснуть, будучи растоптанным ботинком!

"..."

«Как сказал Эд, если бы я был настоящим фермером...»

"... Кто-то вроде меня обязательно родится после того, как я умру!..

'... если я действительно смогу посеять семена...»

"..."

«Эта империя будет зачать, родить и взращивать все больше и больше ненависти. Дети, которые выползают из утробы, ничего не зная, будут злиться ни в какое сравнение со мной. Они найдут своих товарищей и станут сильнее».

«У них нет власти. Как, по-вашему, эти люди будут двигать историю? Они будут сметены годами и в конечном итоге будут спокойно жить своей жизнью. Люди жили тысячи лет без такой цели или воли. Лишь немногие лидеры могут внести свой вклад в жизнь, которая может вести время вместе с ними».

«Не поймите неправильно. Каждый может внести свой вклад. Просто я жил, не зная об этом, но на самом деле каждому дано такое же количество власти, как и всем остальным, и ни в чем не нуждаясь. Когда они все это поймут, как вы думаете, власти справятся с этим?

«Даже если это так, они в основном просто простолюдины».

«Если вы хотите, чтобы Империя продолжала существовать, вы должны признать это. Бойтесь этого».

«Что ты имеешь в виду? Бояться чего? Их гнев и осознание?

«Эд сказал мне, что фермеру не нужно оплакивать то, что не проросло. Их миссия будет передана будущим поколениям, и молодые фермеры в новом мире будут дорожить своими семенами. Будут приносить ценные плоды, и в конце концов расцветут великолепные цветы».

— подтвердила Лил, представляя себе будущее в полном расцвете.

«Вы должны бояться, что самый сердитый из них, возможно, еще не родился».

«Лилоа. Я вообще не могу следовать твоим идеалам...»

«Мир меняется. Я глубоко в это верю. И я никогда не откажусь от этого, как бы вы ни отмахивались от этого как от чепухи. Это просто тот человек, которым я являюсь».

Лил постепенно успокоилась. Думая об этом будущем, она почувствовала облегчение. Однако это облегчение не было вызвано тем, что она излила свой гнев. Скорее, она хотела вернуться к тому моменту, когда она ничего не сказала об этом. Она чувствовала, что было бы лучше, если бы она просто сказала, что пойдет своим путем, но по какой-то причине она хотела почувствовать от него немного понимания. С самого начала она знала, что Сезар в любом случае будет смотреть на это только как на одну из ее вспышек, но все же она поддалась своему порыву. Надеясь, что она действительно вырвется из рук Сезара.

«Итак, вы хотите, чтобы я придал аналитический смысл всей реальности и исследовал, почему? Это утомительно. Любить тебя так тяжело и трудно».

— Ты мне как-то сказал. Ты думаешь, что это трудно, потому что тебе это неизвестно».

"..."

Крутить его так было жестоко, но это было неизбежно.

«Но знаете что, вы не единственный, кто не знает. И я тоже. Я не знаю и не могу понять этого, когда вижу, как вы говорите о построении счастливой семьи. Это все равно, что видеть человека, который доволен кучей нагроможденных камней. Я рад, что это делает тебя счастливым, но я не знаю, почему ты особенно радуешься этому. Я не могу понять, о каком счастье ты говоришь, потому что я не знаю, насколько я буду счастлива, если мне придется отпустить свои мечты и стать твоей женой».

«Вы говорите об этом великом будущем, но разве это автоматически делает меня смешным из-за того, что я просто мечтаю о семье? Теперь мне стыдно за то, как я посмел попросить у тебя ребенка. Вы, кто мечтает о таком большом континентальном плане... Как ты смеешь говорить мне, что моя ничтожна!

Когда Сезар повысил голос, колонна, к которой они были привязаны, затряслась. Лил почувствовала его растущую температуру тела и его поднимающиеся и опускающиеся плечи за ее спиной.

«Тебе не нужно злиться. Неужели вы этого не понимаете? Разве это не то же самое для вас? Разве ты не смотришь на меня и не видишь какую-то сумасшедшую женщину, обнимающую камень, говоря, что она не откажется от него, несмотря ни на что? Услышав, как она говорит,

что не имеет значения, будет ли это стоить ей жизни. Что не имеет значения, умрет ли она, пока с ее камнем ничего не случится. Разве это не звучит безумно?

«Вам не нужно говорить так жестоко. Ты отвергаешь мои чувства?

«Я ничего не отвергаю. Мне просто грустно. Я хочу видеть тебя счастливым, но твое счастье не такое, как мое».

"..."

«Нет причин оставаться парой, когда мы не можем видеть блеск друг друга... Все эти годы мы просто тонули в глубинах невежества, жаждущего понимания».

После встречи с Эдом Лил впервые в жизни поняла, насколько она гениальна.

«Я, наконец, убедился, что вещи, за которые я так отчаянно держусь, — это не камни, а семена. Я до сих пор помню, как я был счастлив и ошеломлен. Тогда моей первой мыслью было сообщить об этом Сезару, дать ему увидеть, как это удивительно красиво... Но теперь мне остается только жалеть Сезара, которого тащила эта странная женщина и который должен был унижить себя... Он просто не такой человек. Когда я думаю о его истинном «я», на ум приходят эти ослепительные огни люстр Сесбронна...»

Лил могла только надеяться, что Сезар примет тот факт, что она не та, кто может признать его гениальность.

"... Я не поеду в княжество Лоти».

«Что это...»

«Этот корабль все равно должен отправиться в Серлио. Извините, пожалуйста. Ты будешь единственным, кто сойдет оттуда».

— Что... Ты имеешь в виду?

«Я не могу сделать тебя счастливым».

Сезар ответил так, как будто в любой момент у него перехватило дыхание.

«Почему...»

"..."

«С какой стати...»

«Мы разные. Это непреодолимо».

— крикнул водянистый голос.

«Пожалуйста! Перестань говорить, что мы разные!»

«Мы очень разные, и наше сходство слишком мало... Я не могу пойти с тобой...»

«Итак, в конце концов, это оно? Вы ждали такой возможности? Вы всегда верили, что это не сработает и что это закончится в один день? Ты решил уйти теперь, когда я хотел, чтобы мы ушли из этой жизни?»

«Нет! Я тоже представлял себе будущее с тобой! Что я присоединюсь к вам в Княжестве, как только буду готов, и что такая жизнь будет по-своему полезной!»

«Тогда почему ты не можешь преодолеть это? Я не знаю, почему вы говорите, что мы должны остановиться здесь. Ты говоришь так, как будто это так важно, если мы отличаемся друг от друга».

— Я же говорил тебе. Вы не будете счастливы... Я никогда не увижу твоего света».

«Как вы думаете, сколько пар разделяют одни и те же мысли? Выросшие в собственной среде более 20 лет, они неизбежно будут иметь разные ценности. Но если есть признание и уважение, будет ли вообще желательно убеждать, умиротворять и заставлять другую сторону разделять те же ценности?»

«Это ты пытаешься убедить и умиротворить ценности! Ты тот, кто заставляет думать, что если ты родилась женщиной, ты должна чувствовать себя счастливой, создавая семью!»

«Клянусь, я никогда не заставлял тебя! Я не понимаю, почему ты думаешь, что убеждения являются таким препятствием для любви».

"..."

«Я когда-нибудь ругался на тебя или говорил тебе, что Белл-Рок был ошибкой? Разве я когда-нибудь мешал тебе спасать рабов? Или вы недовольны тем, что я не мотивирован, как вы? Неужели ты думал, что я стану таким же?»

"..."

Сезар пошевелил своим телом, пытаясь ослабить громоздкую веревку. Он яростно скрутил плечом, словно пытаясь отрубить себе запястье.

«И как, по-вашему, это убеждение происходит в первую очередь? Убеждение предполагает несогласие. Вы недовольны, и я тоже! Я хочу сохранить свое место так же, как ты хочешь сохранить свое, и я не хочу, чтобы меня тащили так сильно, как ты хочешь тянуть меня за собой!

«И именно поэтому ты едешь в княжество, а я возвращаюсь в Паничи!»

Расстроенная, Лил пожалела, что уронила эти осколки, яростно вывернув запястье. Вербка была уже наполовину разорвана, так что ее можно было освободить, приложив немного больше сил. В своем воображении она уже сбросила все веревки и куда-то побежала.

«Равенство! Да пропади оно пропадом... Я знаю... Я знаю, что это то, к чему нужно стремиться».

«Да, равенство, это великое слово. Но для вас это просто идеал. Для вас не имеет значения, сбудется это или нет, потому что это все равно не повлияет на вас, верно?

«Я не буду отрицать, что я всего лишь созерцаю идеологию».

«Для меня это не то же самое. Это идеал, ради которого я бы пожертвовал своей жизнью, если бы это означало, что он может сбыться... Ты действительно хочешь, чтобы я адаптировался к этому миру? Просто так жить и умереть? Разве это не пустая трата моих глаз, моего рта и моих рук, чтобы так жить? Это пустая трата времени. Это сводит меня с ума. Я чувствую, что схожу с ума. Я так сильно хочу говорить, я хочу кричать, что мир ужасен и что каждое мгновение похоже на ад!»

«У вас, кто уже свободен, нет причин тосковать по свободе и взывать к равенству. Разве я говорил, что ты должен оставаться дома? Вы одержимы мыслью о том, что станете жертвой».

«Я могу выйти из дома, потому что ты это позволяешь, но я не могу делать другие вещи, потому что ты этого не позволяешь, верно?»

— Лилоа, пожалуйста. Вы действительно хотите наступления национального равенства? Как я могу понять такой идеал, который можно просто увидеть висящим на горизонте?»

Лил швырнула свою полностью распутанную веревку в стену. На мгновение она почувствовала боль и пожалала плечами. Ее ладони были испещрены осколками стекла, а запястья были покрыты красными отметинами.

«Если ты не понимаешь, то остановись. Перестаньте сомневаться в этом!

<http://tl.rulate.ru/book/69952/2919902>